

Африканские
The African Collections
коллекции
of the Saint Petersburg
Петербургской
Kunstkamera:
Кунсткамеры:

Карл
Герхард
Karl
Lindblom
Gerhard
и его
Lindblom
Укамбани
and His
Ukambani

Изысканное здание на берегу Невы, в котором расположен Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЗ РАН) известно далеко за пределами России. МАЗ, один из крупнейших и старейших этнографических музеев мира, является преемником первого российского государственного музея, знаменитой Петровской Кунсткамеры, основанной по указу Петра I в 1714 г. Здесь работали крупнейшие российские ученые, а бесценные этнографические, антропологические и археологические коллекции, хранящиеся в Музее, являются одними из наиболее полных и интересных в мире. Они насчитывают свыше миллиона восьмисот тысяч экспонатов и отражают все культурное многообразие народов мира. Сегодня, как и прежде, МАЗ РАН не только академический музей, но и один из ведущих исследовательских центров Российской академии наук.

История африканских коллекций Музея начинается с 1819 г.¹ Наука не знает границ, и с момента своего основания Музей являлся важной частью международного научного сообщества, исповедуя открытость и привлекая на работу крупнейших иностранных ученых. Развитие практики коллекционных обменов с европейскими музеями привело к появлению в составе собрания МАЗ предметов из Центральной и Западной Африки (Копенгагенский музей, 1862). В 1879 г. в Музей поступил богатейший дар известного отечественного путешественника по Африке В. В. Юнкера (1840–1892) — около 1900 единиц хранения: предметы быта, оружие, одежда, украшения, музыкальные инструменты — результат путешествия в 1876–1878 гг. по Центральной Африке, верховьям Нила и его притокам. В 1894 г. от чешского врача и путешественника Эмиля Голуба в Музей поступило собрание по материальной культуре народов банту Южной Африки (путешествия 1875 и 1883 гг.).

В конце XIX — начале XX в. фонды МАЗ значительно пополнились эфиопскими коллекциями, привезенными русскими путешественниками. Среди них вещицы и фото коллекции А. Н. Гудзенко, врачей М. И. Лебединского, Д. Н. Бровцына, А. И. Кохановского, горного инженера А. Г. Мягкова. Толь-

House in a magnificent edifice on the banks of the Neva River, the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (or Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, is an institution known far beyond the borders of Russia. One of the largest and oldest ethnographical museums in the world, the MAE RAS, as it is abbreviated, is the successor to the first Russian state museum, Peter the Great's famous Kunstkamera, founded by his decree of 1714. The greatest names of Russian science have worked here, and the invaluable ethnographical, anthropological, and archaeological collections of the Museum houses are among the most comprehensive and most interesting in the world. The collections number over a 1,800 thousand individual items are reflecting the cultural diversity of the entire world. Today, as has always been the case, the MAE RAS is not only a museum, but also a leading research centre of the Russian Academy of Sciences.

The history of the Museums African collections began in 1819¹. Science knows no bounds, and so since its opening the Museum has played an important role in the international scientific community, championing openness and attracting some of the most distinguished names of world science for its collaborations. Development of collection exchanges with European museums — the exchange with Copenhagen, for example, dates from 1862 led to the establishment of exhibits from Central and East Africa in the MAE. In 1879, the Museum received a rich gift from the prominent Russian African explorer Vassily (Wilhelm) Junker (1840–1892): about 1,900 articles of everyday life, weapons, clothing, ornaments, and musical instruments. Junker collected them during travels in 1876–1878 across Central Africa and along the Upper Nile and its tributaries. In 1894, the Museum received a collection documenting the material culture of the Bantu people of South Africa from Czech doctor and explorer Emil Holub, who collected these items in the course of expeditions in 1875 and 1883.

At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the holdings of the MAE were significantly increased through the addition of Ethiopian collections contributed by Russian explorers. Among them

¹ См.: Г. Н. Гоцко. «История отдела Африки МАЗ». Собрания МАЗ РАН. К 100-летию образования первого академического этнографического центра. Ленинград, 1980.

¹ See G. N. Gozko, "The History of the MAE African Department." Collections of the MAE RAS. Upon the 100th Anniversary of the First Academic Ethnographical Center (Leningrad, 1980).

ко коллекция врача Н. С. Леонтьева, принятого негусом Менеликом II на постоянную службу, насчитывает свыше 1000 предметов.

С именами выдающихся ученых Василия Васильевича Радлова (1837–1918) и Льва Яковлевича Штернберга (1861–1927) связана эпоха «бури и натиска» в истории Музея. Тогда была поставлена цель создать в Петербурге научный музей общечеловеческой культуры, который был бы достоин столицы великой страны. Резко активизировались экспедиционная и собирательская работа. Высокий международный авторитет руководителей Музея позволил существенно расширить его международные контакты, в том числе зарубежные обмены. Значительные коллекции регулярно закупались в Европе на средства благотворителей.

В 1909 г. был создан международный по составу «Попечительный о Музее антропологии и этнографии имени императора Петра Великого совет», в состав которого вошел и первый покоритель Килиманджаро известный немецкий путешественник Ганс Мейер (1858–1959). В 1900–1901 г.г. Мейер передает МАЭ ценнейшую коллекцию бенинской бронзы и коллекцию по джуга собранную им во время экспедиции в район Килиманджаро. В 1909 г. с его организационной и материальной помощью была куплена ценная коллекция из Камеруна (свыше 500 предметов), собранная лейтенантом Мансфельдом.

С начала XX в. Музей во многом работал как международный научный центр. Россия никогда не имела в Африке собственных колониальных интересов, поэтому в приобретении африканских коллекций национальный этнографический музей в значительной степени зависел от сотрудничества со своими западноевропейскими партнерами. Обмены с европейскими музеями приобрели регулярный характер. Благодаря им в МАЭ появились коллекции, собранные немецкими экспедициями в Западной Судане, Камеруне и Восточной Африке, в районе Нижнего Конго и в Гвинее. Так была получена и коллекция,

were artifact and photograph collections deposited by Anatoliy Gudzenko, by the doctors Mikhail Lebedinsky, Dmitry Brovtsyn, Alexander Kohanovsky, and the mining engineer Alexander Myagkov. The collection of doctor Nikolay Leoniev alone, who was in the permanent service of Negus Menelik II, numbered over 1,000 items.

The "Sturm und Drang" period in the history of the Museum is closely associated with the names of the prominent scientists Vassily (Friedrich Wilhelm) Radloff (1837–1918) and Lev Sternberg (1861–1927). A goal was set then: to create a research museum of universal culture in St. Petersburg, a museum that would be worthy of the capital of a great country. Expedition and collection activity was dramatically expanded. The international reputation of the head of the Museum contributed to substantially broadened international contacts, including new exchange agreements with foreign partners. Significant collections were regularly purchased in Europe with the support of the Museums benefactors.

In 1909 an international board was established "The Board of Trustees of the Museum of Anthropology and Ethnography of Tsar Peter the Great" one of whose members was the first conqueror of Kili-manjaro, the famous German explorer Hans Meyer (1858–1959). In 1900–1901, Meyer gave the MAE a very valuable collection of Benin bronze and a Chagga collection which he had assembled in the course of his expedition to the region of Mount Kili-manjaro. In 1909, with his organizational and material help, the Museum purchased a valuable collection from Cameroon over 500 items collected by Alfred Mansfeld.

Since the beginning of the 20th century, the Museum has served principally as an international research centre. Russia never had any colonial interests in Africa, and so to acquire African collections Russias national ethnographical museum depended on collaborations with its Western European partners. Exchanges with European museums became quite regular. Thanks to them, the MAE acquired collections assembled by German expeditions in Western Sudan, Cameroon, and East Africa, as well as in the regions of the Lower Congo and in Guinea. In a similar way, the MAE acquired the collection of

собранных знаменитым немецким этнографом Лео Фробениусом (1873–1938) в Западной Судане. Из Столгольмского музея были получены коллекции по Южной Африке, Нижнему Конго и Мадагаскару. В 1913 г. Музей организовал две собственные экспедиции в Африку: в Эфиопию был отправлен выдающийся русский поэт Н. С. Гумилев, а в Алжир, командирован магистрант Петербургского университета С. В. Смогоржевский, которые доставили в Музей интересные коллекции.

В 1930 г. заведующим отделом Африки становится Д. А. Ольдерогге (1903–1987), основоположник советской школы африканистики. Усилия по собиранию коллекций дополняются развитием фундаментальных исследований. Нерешенность важнейших проблем африкалов в историографии требовала создания корпуса источников по истории народов, живущих к югу от Сахары. Беспрецедентный характер культуры этих народов на протяжении многих веков сводил источниковедческую базу их истории к археологическим и этнографическим материалам и устной исторической традиции. Важнейшим источником для изучения истории бесписьменных в недавнем прошлом народов являются их живые языки, но для использования лингвистических материалов в исторических целях необходимо пройти чрезвычайно трудоемкий этап составления словарей и грамматик живых африканских языков. Эта работа также была начата в Музее. В такой ситуации чрезвычайно актуальной становилась идея тщательного учета данных письменных источников других народов, сохранивших в своих литературных памятниках известия об Африке и ее населении. Исследовательская задача была поставлена максимально широко. В. В. Матвеев, Л. Е. Куббель и М. А. Толмачева изучали богатейшую арабскую научную традицию, В. А. Вельгус занимался китайскими источниками, О. С. Томаповская — испанскими и португальскими, С. Б. Чернецов — эфиопскими, и, наконец, Ю. К. Поплинский — античными. Результатом их работы стала серия блестящих публикаций, которые во многом закрепили приоритет отечественных ученых в исследовании заявленных проблем.

Leo Frobenius (1873–1938), a famous German ethnographer, from his travels in Western Sudan Collections focusing on South Africa, the Lower Congo, and Madagascar were received from the Stockholm Museum.

In 1913, the Museum organized two expeditions of its own to Africa. The prominent Russian poet Nikolay Gumilev was sent to Ethiopia, and a graduate student at Petersburg University named Sigizmund Smogorzevsky was sent to Algeria. Both contributed interesting collections to the Museum.

In 1930, Dmitry Olderoege (1903–1987) became head of the Africa Department. He became known as the founder of the Soviet school of African studies. His efforts to enhance the collections were supplemented by the intensification of basic research. The fact that very important problems of African historiography remained unresolved demanded a body of sources documenting the history of peoples living in sub-Saharan Africa. The nature of the cultures of these peoples possessing no written language over the course of many centuries reduced the basis for primary research into their history to archaeological and ethnographical materials and to the oral historical tradition. The most important source for the study of the recent history of preliterate peoples is their living languages, but to use linguistic data for historical purposes, one must first undertake the extremely laborious task of compiling dictionaries and grammars. This type of work was also initiated by the Museum. Also, in such a situation, accurate compilation of the data contained in the written sources of other peoples preserving information on Africa and its population becomes extremely relevant. This research task was conceived as broadly as possible. Viktor Matveev, Lev Kubbel and Marina Tolmacheva studied the rich Arabic scientific traditions, Viktor Velgus examined Chinese sources, Tomanovskaya reviewed Spanish and Portuguese records, Seriv Chernetsov the Ethiopian sources, and, finally, Yuri Poplinskiy the records of classical antiquity. A series of brilliant publications was the result of their work. In many respects, these publications secured the primacy of Russian scholarship in the study of a host of historiographical problems.

В 1960-е годы бурное развитие связей СССР с независимой Африкой дало этнографам-африканистам новые возможности для полевой работы, в Музей были доставлены интересные коллекции из Судана, Эфиопии, стран Западной Африки, Уганды, Гвинеи, Камеруна. Митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим передал в дар коллекцию, привезенную из Эфиопии и Нигерии. Крупные коллекции поступили от Д. А. Ольдерогге (Мали, Эфиопия), В. Р. Арсеньева (Мали), В. В. Выдрин (Мали, Кот д'Ивуар, Гвинея, Буркина Фасо, Гвинея-Биссау, Сенегал, Конго, Камерун, Габон, Танзания).

Сегодня в Музее активно продолжается работа по изучению живых африканских языков, начиная под руководством Д. А. Ольдерогге. С 2001 г. в Кот д'Ивуар, а с 2007 г. в Гвинею под руководством В. Ф. Выдрин работает Санкт-Петербургская комплексная лексикографическая экспедиция². Активно исследуются африканские системы родства, духовная и материальная культура Африки (В. Р. Арсеньев, В. А. Попов, А. Ю. Сиим, В. Н. Семенов). В 2007 г. в Музее открылась новая африканская экспозиция. На основании материалов экспедиции МАЭ в мусульманские районы Эфиопии (2008, руководитель Ю. К. Чистов) идет подготовка к реализации большого научного и выставочного проекта.

* * *

В 1913 г. Музей приобрел у молодого шведского исследователя Герхарда Линдблома (1887–1969) обширную коллекцию по камба (самоназвание акамба, мн. ч.: мукамба, ед. ч.), народу группы банту, живущему в основном в исторической области Укамбани, что на юге страны в бассейне реки Ати. Это собрание (№ 2130) состояло из 216 предметов и дополнялось интереснейшей фото коллекцией (№ 2151). Важным было то, что предметная и фото коллекция в значительной степени дополнили друг друга. Музей активно развивал такой подход. В 1911 г. здесь была организована специализированная фотолаборатория, одна из первых в мире.

The rapid development of relations between the USSR and newly independent African nations in the 1960s gave our Africanist ethnographers new opportunities for field work. Interesting collections from Sudan, Ethiopia, and the countries of Western Africa, Uganda, Guinea, and Cameroon were delivered to the Museum. Metropolitan Nicodemus of Leningrad and Novgorod donated the collection he had brought from Ethiopia and Nigeria. Large collections were received from Dmitry Oldorogge (Mali, Ethiopia), Vladimir Arseniev (Mali), and Valentin Vydrin (Mali, Côte d'Ivoire, Guinea, Burkina Faso, Guinea-Bissau, Senegal, Congo, Cameroon, Gabon, and Tanzania).

Currently, the Museum actively continues its study of living African languages – the work begun under the direction of Oldorogge. The St. Petersburg "Complex lexicographic expedition" under the direction of Valentin Vydrin has been at work in Côte d'Ivoire since 2001 and in Guinea since 2007³.

African systems of kinship along with the spiritual and material culture of Africa are being actively researched (Vladimir Arseniev, Vladimir Popov, Anna Siim, Valeria Semyonova). In 2007, the Museum was the site for the opening of a new African exhibit. A large scientific and exhibition project is in the works based on the materials of the MAE expedition to the Muslim regions of Ethiopia (2008, led by Yuri Chistov).

* * *

In 1913, the Museum acquired a large Kamba collection (its original name – Akamba, in plural, and Mukamba, in singular) from a young Swedish explorer named Gerhard Lindblom (1887–1969): a collection of artifacts of the Bantu people, living mainly in the historical region of Ukambari, which lies in the south of Kenya in the Ati river basin. This collection (No. 2130) consisted of 216 items and was supplemented by a very interesting collection of photographs (No. 2151). The important idea behind this undertaking was that the artifacts and the photos would complement each other. The Museum was actively devel-

² О текущем статусе итогов этнографической экспедиции см. <http://mandelang.kunstkamera.ru/index/mandelang>.

³ Подробнее см.: W. Östberg, "Sjöbjöraren Gerhard Lindblom på fältarbete i Ostra Kenya", *Med varden i koppacksen. Samlingsarnas väg till Etnografiska museet* (2002), ss. 171–180.

Английский вариант статьи будет опубликован в журнале *Manuscripta Orientalia, International Journal for Oriental Manuscript Research* XVI/2 (December, 2010). См. также: M. Petzell, "Swedish contributions to African linguistics, with a focus on Bantu languages", *Africa & Asia* III (2003), p. 47.

⁴ The current status of this research can be found at: <http://mandelang.kunstkamera.ru/index/mandelang>.

⁵ For details see: W. Östberg, "Sjöbjöraren Gerhard Lindblom på fältarbete i Ostra Kenya", *Med varden i koppacksen. Samlingsarnas väg till Etnografiska museet* (2002), ss. 171–180. An English translation of the article will be published in *Manuscripta Orientalia, International Journal for Oriental Manuscript Research* XVI/2 (December, 2010). See also: M. Petzell, "Swedish contributions to African linguistics, with a focus on Bantu languages", *Africa & Asia* III (2003), p. 47.

⁶ See G. Lindblom, *Afri-*

Carl Gerhard Lindblom, в будущем известный шведский этнограф, профессор Стокгольмского университета (1933–1954) и директор Национального этнографического музея, в котором он начал работать с 1912 г.⁴, тогда только что вернулся из длительного научного путешествия в Восточную Африку (1910–1912). Результатом поездки стала богатая этнографическая коллекция и громадный полевой материал, посвященный изучению местного фольклора и диалектов. Энергичный молодой ученый по возвращении немедленно приступил к его обработке и выпустил серию научных исследований, итогом которых стала блестяще защищенная в 1916 г. диссертация «Акамба в Британской Восточной Африке»⁵. Его перу принадлежит и во многом уникальная серия из почти двадцати работ, посвященных описанию различных предметных групп, составивших вещевую коллекцию, привезенную из Кении.

Линдблом смог вернуться к работе в Восточной Африке в 1920 г., сосредоточившись в этот раз на районах вокруг озера Виктория, и по возвращении опубликовал работу, предназначенную для широкого читателя⁶. Он продолжил блестящую серию публикаций по языку⁶ и фольклору⁷, которые укрепили его международную известность. Линдблом становится членом множества европейских научных обществ, в 1927 г. избирается членом Правления Международного института африканских языков и культуры, а в 1933–1934 гг. становится Президентом Шведского общества антропологии и географии.

В конце жизни Линдблом мог наблюдать закат эры колониализма в Африке, но при его научной деятельности пришелся на расцвет этой эпохи. Он, несомненно, разделял многие научные концепции и предубеждения, характерные для значительной части западного научного сообщества той поры, но его научным исследованиям, привезенным им вещевым и фото коллекциям, сохранившим важные элементы традиционной культуры Кении, навсегда суждено остаться важной частью диалога между Африкой и Европой.

oping this type of approach. A specialized photo laboratory was set up in 1911; it was one of the first laboratories of its kind in the world.

Karl Gerhard Lindblom would later become a famous ethnographer, a professor at Stockholm University (1933–1954), and director of the National Ethnographical Museum, where he began working in 1912⁴, having just returned from an extended research journey to East Africa (1910–1912). That journey resulted in a rich ethnographical collection and a large body of field material dedicated to the study of local folklore and dialects. Upon his return, this energetic young scientist immediately proceeded to process his material and publish a series of research studies, resulting in his thesis "The Akamba in British East Africa"⁵, brilliantly defended in 1916. He also penned a unique series of around twenty articles dedicated to the description of various object groups, taken from the collection of artifacts he had brought back with him from Kenya.

Lindblom was able to resume working in East Africa in 1920, this time focusing on areas around Lake Victoria, and upon his return he published work intended for the general public⁶. He continued his brilliant series of publications on the subjects of language⁶ and folklore⁷, which consolidated his fame. Lindblom became a member of many European scientific societies, and in 1927 was elected a member of the Governing Body of the International Institute of the African Languages and Cultures. In 1933–1934 he became President of the Swedish Society for Anthropology and Geography.

At the end of his life, Lindblom witnessed the decline of colonialism in Africa, but his most important research took place during colonialism's greatest ascendancy. He undoubtedly shared many of the scientific notions and prejudices typical of the scientific community of those days, but his research, his personally assembled artifact and photograph collections which preserved important elements of the traditional culture of Kenya, are destined to forever remain an important part of the dialogue between Africa and Europe.

⁴ См. G. Lindblom, *Afriska kända strövat. Tre års fältundersökning i engelska och tyska Ost-Afrika* (Stockholm, 1914); idem, *Outlines of a Thoraka Grammar, with a List of Words and Specimens of the Language* (Uppsala, 1914); idem, *The Akamba in British East Africa: an Ethnological Monograph* (diss. 1916), второе расширенное издание: Uppsala, 1918–1920, reprint: New York, 1969.

⁵ Idem, *I vildmark och negerbyar: A Mount Elgoni och amorstades i Ostafrika* (Uppsala, 1921).

⁶ Idem, "Notes on Kamba grammar: with two appendices: Kamba names of persons, places, animals and plants salutations",

kanska strövat. Tre års fältundersökning i engelska och tyska Ost-Afrika (Stockholm, 1914); idem, *Outlines of a Thoraka Grammar, with a List of Words and Specimens of the Language* (Uppsala, 1914); idem, *The Akamba in British East Africa: an Ethnological Monograph* (diss. 1916), second expanded edition: Uppsala, 1918–1920, reprinted in New York, 1969.

⁷ Idem, *I vildmark och negerbyar: A Mount Elgoni och amorstades i Ostafrika* (Uppsala, 1921).

⁸ Idem, "Notes on Kamba grammar: with two appendices: Kamba names of persons, places, animals and plants salutations". *Archives d'études orientales* X (1926); idem, *Some Words of the*

Всего недавно, всего за полтора месяца до открытия этой выставки, я стоял на террасе основанного Ричардом Лики Института по изучению бассейна озера Туркано и смотрел, как закатное солнце окрашивало горизонт над водной гладью. Молодой кенийский ученый Амос Мвендва (камба по происхождению: как я узнал позже) только что помог нам, группе русских, неожиданно появившихся на его пороге, уточнить координаты небольшого эфиопского селения, где некогда стоял дом необычайно талантливого, но ныне совершенно забытого русского художника. Как оказалось, селение, отмеченное на самых последних спутниковых картах, было уже несколько десятилетий назад смыто буиным разливом реки Омо вместе с домом и хранившимися там по преданию русскими книгами. Мы в его поисках безрезультатно проблуждали по бушу целый день и незаметно для себя оказались в Кении.

Линия озера сверкала розовым и красным. Юный погонщик гнал вереницу верблюдов, оставших на влажной глине четкие следы. Здесь некогда проходила веками найденная караванная дорога, а за много тысячелетий до того наши древнейшие предки шли этим путем на Север, открывая для себя неизвестный и громадный мир. Я с гордостью рассказывал кенийскому коллеге о нашем Музее, о его богатейших антропологических и этнографических коллекциях, о русской экспедиции, которая на протяжении многих лет работала в Южном Йемене и об открытиях, сделанных там. Рассказал о фотовыставке, готовящейся для музея в Найроби. Люди, как правило, трепетно относятся к своим домашним альбомам. Этнографический музей такого масштаба, как Петербургская Кунсткамера, — это домашний альбом всего человечества. Музей — это не кладбище культуры. Культурные богатства, накопленные в нем, живут, рассказывая свои истории сначала исследователю, а затем и посетителю, зрителю, читателю. Причем этот рассказ бесконечен, и поколение за поколением ученых будут открывать здесь свой особый мир, в том числе удивительный и прекрасный мир Африки, запечатленный в более чем 13 тысячах африканских экспонатов МАЭ.

A little while ago, one and a half month prior to the opening of this exhibition, I stood on the terrace of the Turkano Basin Institute founded by Richard Leakey and watched the sun as it painted the horizon above the water. The young Kenyan scientist Amos Mwendwa (Kamba by origin as I got know later) happened to help us, a group of Russians, who all of a sudden appeared at his doorstep, to obtain more accurate location information for a small Ethiopian settlement, where the house of an incredibly talented Russian artist, absolutely forgotten today, had once stood. As it turned out, the settlement, marked on the latest satellite maps, had been washed away a few decades prior by the destructive flooding of the Omo River. The artist's house and the Russian books he kept there, according to the legends, had been destroyed in the flood. In searching for this house, we wandered in the bush all day long and unwittingly found ourselves in Kenya.

The lakeshore sparkled pink and red. A young man drove a file of camels, which left clear hoof prints in the damp clay. In earlier days, a centuries-old caravan road lay here, and many millennia before our ancient ancestors walked that road to the north, and an unknown and vast world was unveiled before their eyes. With great pride I was telling my Kenyan colleague of our Museum, of its rich anthropological and ethnographical collections, of the Russian expedition which worked for many years in South Yemen and of the discoveries made there. I also told him of the photo exhibition in preparation for the museum in Nairobi. As a rule people treat their family albums with great reverence. An ethnographical museum of the size and scale of St. Petersburg's Kunstkamera is a family album of all humanity. A museum is not a cemetery of culture. Cultural riches stored in it live on telling their stories, first to the researcher, and then to visitors, spectators, and readers. And this story is endless, for one generation of scientists after another will discover their own world, including the amazing and beautiful world of Africa, imprinted in the more than thirteen thousand African exhibits of the MAE.

Archives d'études orientales
X (1926); idem, *Some Words of the Language Spoken by the Elgani People on the East Side of Mount Elgon, Kenya Colony, East Africa* (Uppsala, 1924).

³ Idem, *Negerhistorier vid Jagerviden. Afrikanska folkberättelser* (Uppsala, 1922); idem, *Kamba Folklore... with Linguistic, Ethnographical and Comparative Notes I-III* (Uppsala, 1928-1935).

Language Spoken by the Elgani People on the East Side of Mount Elgon, Kenya Colony, East Africa (Uppsala, 1924).

³ Idem, *Negerhistorier vid Jagerviden. Afrikanska folkberättelser* (Uppsala, 1922); idem, *Kamba Folklore... with Linguistic, Ethnographical and Comparative Notes I-III* (Uppsala, 1928-1935).

Выставочный проект был организован Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамерой) РАН и Национальным музеем Кении (Найроби) при содействии Посольства РФ в Кении. Участники проекта искренне благодарны Чрезвычайному и Полномочному Послу РФ в Кении В. Е. Егوشкину, культурному атташе посольства А. Р. Богуславскому и Руководителю Центра русской культуры в Аддис-Абебе В. А. Коннику, чье письмо, отправленное мне около года назад, положило начало целой цепи событий, завершившихся реализацией проекта в Найроби. Мы искренне признательны за сотрудничество директору Национального музея Кении доктору И. О. Фараху и его директору по развитию К. Майне. Значительную помощь в реализации проекта оказали директор Стокгольмского этнографического музея проф. Андерс Бйоркунд и доктор В. Остберг, куратор африканских коллекций этого музея. Я обязан доктору Джеффри Гаррету (Специальные библиотеки Северо-западного Университета, США) за библиографическую поддержку проекта. Большую работу по его информационному обеспечению провели А. Ю. Кудрявцева, а также М. Е. Резван, В. Н. Семенова и М. В. Хартанович. Мы искренне благодарим Aga Khan Development Network за содействие в реализации нашего выставочного проекта в Национальном музее Кении.

Ефим Резван

This exhibition project was organized by the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS and the National Museums of Kenya (Nairobi), made possible through the good offices of the Russian Embassy in Kenya. The partners of this project are sincerely grateful to the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation in Kenya, His Excellency Valeriy Egozhkin; the cultural attaché of the embassy, Aleksey Boguslavskiy; and the Head of the Centre of Russian Culture in Addis Ababa, Vyacheslav Konnik, whose letter to me about one year ago initiated a whole succession of events resulting in the realization of this project in Nairobi. We are sincerely grateful for the collaboration of the Director of National Museums of Kenya, Dr. Idle Omar Farah, and its Director of Development Connie Maina. Significant help in bringing this project to fruition was given by the Director of the Museum of Ethnography in Stockholm, Prof. Anders Björklund and by Dr. Wilhelm Östberg, Curator of the Africa Collection of the Museum. I am greatly indebted to Jeffrey Garrett (Northwestern University Special Libraries, Chicago) for his bibliographic support of the project. Much work on the level of information support for the project was provided by Anna Kudriavtseva as well as by Maryam Rezvan, Maria Khartanovich and Valeria Semyonova. We are sincerely grateful to Aga Khan Development Network for the support of our exhibition project at the National Museums of Kenya.

Ефим Резван